

А.В. Рыбьякова

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Одним из основоположников теории социальной мобильности является П. Сорокин, рассматривающий мобильность как процесс перемещения индивидов и групп в социальном пространстве и времени. Схожую идею развивал в своих работах и А. Дюмон, называя ее теорией социальной капиллярности.

Мобильность исследуется, с одной стороны, как индивидуальная практика (изменение статусных позиций отдельных индивидов в существующей социальной иерархии), отражая поле микросоциологических исследований. Рассматривается вопрос об изучении видов мобильности, ее каналов и факторов: социально-демографических особенностей индивидов, уровня образования, социального происхождения, характера и престижа деятельности. С другой стороны, мобильность выступает как макропроцесс, детерминированный влиянием внешней среды – действием социальных институтов и происходящими в обществе экономическими процессами. Социальная мобильность является фактором общественного благосостояния.

На протяжении всего XX в. исследования социальной мобильности активно велись в контексте ее связи с процессами социальной стратификации общества, влияния институциональной среды на возможности социального продвижения, активно изучались факторы, условия и каналы мобильности.

Развитие сферы информационных технологий спровоцировало потоки восходящей мобильности, порождая распространение ценностей индивидуального продвижения. Актуальными становятся исследования профессиональной карьеры, межпоколенной и профессиональной мобильности.

В современных условиях анализируются существующие барьеры и открытость социальных лифтов для молодого поколения. Исследуется проблема существования классовых перегородок с весьма ограниченной проницаемостью, происходит усиление классового и культурного неравенства. Социальная мобильность становится возможной за счет реализации капитала (экономического, социального, культурного) при сохраняющемся принципе наследования материальных богатств и социальных связей.

Ключевые слова: *социальная мобильность; профессиональная карьера и профессиональная мобильность; идеология мобильности; социальные лифты; экономический, социальный и культурный капиталы; неравенство шансов; восходящая мобильность.*

Проблема социальной мобильности в последние годы становится все более актуальной, исследуются виды и формы социальной мобильности, ее масштабы и факторы, открытость социальных лифтов для молодого поколения и барьеры изменения социального статуса.

Одним из первых заложил основы понимания социальной мобильности П. Сорокин, рассматривая мобильность как процесс перемещения индивидов и групп в социальном пространстве и времени [1, с. 373–404]. Акцентируя вни-

© Рыбьякова А.В., 2020

Рыбьякова Анастасия Владимировна – преподаватель-исследователь; ассистент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГОУ ВО «Пермская государственная фармацевтическая академия», e-mail: a.nastasi.a@mail.ru.

мание на внутренних (осознание восходящей мобильности как самоцели) и внешних факторах мобильности (создание условий на уровне общества для достижения желаемого социального статуса – открытости социальных лифтов), сформулировал представление о видах, свойствах и каналах мобильности.

Во Франции предшественником теории социальной мобильности была теория социальной капиллярности А. Дюмона, рассматривающая закономерный процесс восходящего движения (подъема) людей от исходных социальных позиций к более высоким статусам, сопряженный с улучшением условий их жизни. Впоследствии это и стало именоваться мобильностью. Работа А. Дюмона «Депопуляция и цивилизация» на 37 лет опередила выход работы П. Сорокина «Социальная мобильность». Социальная капиллярность, задаваемая самим обществом, отражала универсальное стремление человека к повышению своих функций в социуме и улучшению условий жизни [2, с. 100–101].

Дальнейшее развитие идея мобильности получила в системном анализе Т. Парсонса. С этой точки зрения характер перемещений индивидов в социальном пространстве детерминирован влиянием среды – действием социальных институтов, выполняющих функцию регуляторов поведения. Институты, выступая как системы ограничений, порождают разного рода стимулы. Именно стимулы побуждают индивида к изменению социальной позиции, в то время как институты задают направленность этих изменений [3, с. 23–33].

С. Липсет и Р. Бендикс продолжили изучение мобильности с позиции укорененности не только в социальной структуре, но и экономике, обращая внимание на необходимость создания определенных условий на уровне общества, способствующих социальным перемещениям. Часто эти условия детерминированы экономической динамикой факторов «вытеснения» (заменой архаичных технологий и производств, выражающейся в потере работы, декартификации из-за отмирания старых предприятий) и связаны с развитием системы высшего образования.

Исследованию типа общества, характера его социальной структуры, классовых различий и возможностей индивидов в области социальной мобильности посвятили свои работы Б. Шефер (Германия), Ж. Марсо (Франция) и Л. Дуберман (США) [4, с. 15–16].

Изучению факторов социальной мобильности таких, как престиж деятельности, образование и стремление к восходящей мобильности, посвятили свои работы британский социолог Д. Гласс. Особенно его интересовали процессы рекрутирования индивидов в группы «среднего класса». В результате эмпирических исследований мобильности Д. Гласс установил, что индивиды, занимающие более высокие социальные позиции, обладали большими возможностями для социального продвижения, чем индивиды из более низких слоев, занятые преимущественно физическим трудом [5, с. 205–209].

К подобным выводам в своих работах приходит и российский социолог А.В. Каравай, исследуя роль факторов восходящей мобильности, таких как пол, возраст, состояние здоровья, тип поселения и образование родителей для продвижения по лестнице доходной иерархии [6, с. 34–51].

Непрерывное обновление технологий, развитие современной экономики, социальных и политических институтов общества становится основой для формирования социальных лифтов. Мобильность осознается как продукт институциональной среды, в которой работник в силу эволюции институтов может оказаться в иной социальной позиции.

Как показала практика, система образования в любой стране является по своей сути инерционной системой, не способной быстро реагировать на возможную экономическую динамику – изменять масштабы производства специалистов в соответствии с требованиями внешней среды каждый раз, как только экономика впадает в кризис. В этом случае молодые специалисты оказываются в ситуации, когда им приходится довольствоваться более низкими социальными позициями, чем те, на которые они претендовали изначально, ввиду закрытости верхних слоев. Конфликт между мобильностью, ее ожиданиями и действующими институтами в наиболее яркой форме проявился в ряде арабских стран, освободившихся от колониальной зависимости и сосредоточивших усилия на развитии образования как обязательного условия расширения каналов мобильности [7, с. 13–15].

По мнению Э. Хит, актуализировал потоки вертикальной мобильности и процесс разрастания управленческих, административных структур, вызвав увеличение количества рабочих мест, требующих высокой квалификации [3, с. 208–509]. Наряду с этим востребованными становятся специалисты экономического и юридического профиля, что способствовало восходящей образовательной мобильности соответствующих профессиональных групп и росту престижа этих профессий.

С конца 1950-х гг. в французской социологии (М. Брезар, Д. Берто), а в конце 1990-х гг. и в англо-американской социологической мысли (Дж. Голдторп, Э. Аббот) актуализируется проблема межпоколенной и карьерной мобильности, возникающей при переходе индивидов, профессиональной или социальной группы из одного социального слоя в другой в пределах жизненного пути возрастной когорты.

Концентрацию исследований социальной мобильности на перемещении работников в сфере труда, их профессиональной мобильности можно объяснить торможением технологического прогресса в материальном производстве и бурным развитием сферы информационных и телекоммуникационных технологий.

Изучению причин профессиональной мобильности в нашей стране посвятили свои работы О.М. Дудина и М.А. Ратникова, исследуя, с одной стороны,

влияние социально-экономических факторов внешней среды, таких как изменение структуры потребности в специалистах различных профессий, реорганизацию отраслей народного хозяйства и изменение содержания труда, с другой стороны, влияние индивидуальных особенностей личности, когда на первый план выходит изучение процесса профессиональной мобильности с точки зрения мотивационной структуры (мотивы достижения более высокого социального статуса, улучшения материального положения, возможность самореализации и др.) [8, с. 48–52].

Согласно исследованиям А.И. Ковалевой, высокая профессиональная мобильность присуща работникам, способным адаптироваться к изменениям в тех или иных сферах трудовой деятельности, самостоятельно получить необходимые знания, развивать творческое мышление и мотивацию к профессиональному самосовершенствованию [9, с. 298–299].

Исследования О.И. Шкаратана направлены на изучение влияния факторов макросреды (типа общества и условий его развития); факторов мезосреды (системы рабочих мест и социальной инфраструктуры города, системы местного управления и планирования) и факторов микросреды (семьи, в которой шла первичная социализация; учреждений воспитания, образования и профессиональной подготовки; социально-культурных учреждений города; непосредственного дружеского окружения) [10, с. 7–9].

В работах М.Ф. Черныша внимание сосредоточено на изучении «идеологии мобильности», получившей распространение в современных условиях и предполагающей ориентацию на повышение социального статуса в каждом следующем поколении. Многие родители, принадлежащие к группам с невысоким уровнем квалификации, рассматривают получение детьми высшего образования или другой высокой квалификации как собственное семейное достижение. При этом побудительные мотивы мобильности могут иметь разное происхождение: могут корениться в габитусе или рождаться как ответ на вызовы текущей экономической или социальной ситуации, быть результатом изменений в более широком социальном контексте [11, с. 42–44].

В случае европейских стран, где обнаруживается преобладание наследования занятий и профессий из поколения в поколение при изолированности верхних и нижних слоев социальной иерархии, профессиональная мобильность становится показателем восходящей мобильности [4, с. 16].

Согласно данным социологического исследования «Городская мобильность»¹, образовательный уровень родителей во многом обуславливает не только стремление детей получить образование не ниже родительского, но

¹ Исследование проведено в Пермском регионе в 2016–2017 гг. по инструменту Лаборатории социологии ПНИПУ «Жизнь в движении». Программа Парамоновой С.П. Обсчет с использованием пакета программ SPSS по городам региона осуществлен автором – аспиранткой каф. социологии и политологии ПНИПУ А. В. Рыбьяковой (декабрь 2017 – май 2018).

и выбор деятельности по характеру труда, близкой к родительской (в основном этот довод корректен в отношении умственного, а не физического труда). Можно сказать, образование родителей зачастую выступает в качестве эталона или даже мотиватора для детей, обуславливая их стремление к достижению такого образовательного уровня, который, в свою очередь, позволит в дальнейшем занять определенную нишу на рынке труда.

Более высокий уровень образования открывает двери к профессиям, связанным с умственным трудом, требующим высокого уровня компетентности. По логике вещей эти профессии должны быть и высокооплачиваемые, но в реальности современного российского общества это не всегда так. В настоящее время модель, связывающая образование, профессию, статус и материальное благополучие, воспринимается больше в качестве идеальной, редко встречающейся на практике. Об этом говорил и польский социолог В. Веселовский, утверждая, что мобильность в одном измерении социальной структуры не влечет за собой улучшение жизни в другом. Высокий уровень образования не является гарантом достижения высокого экономического статуса (по самооценкам граждан, несмотря на многочисленность специалистов с высшим образованием, доля считающих себя высокооплачиваемыми специалистами ничтожна).

Полученное образование определяет характер труда и рассматривается как необходимое условие выбора сферы деятельности и дальнейшего трудоустройства. Ключевое влияние на уровень материального благополучия оказывает именно трудовая деятельность (выбор отрасли и вида деятельности).

Жители с более высоким образовательным уровнем обладают большими возможностями для профессионального старта. В свою очередь, низкий уровень образования не может способствовать достижению высокого экономического статуса, ввиду трудности обеспечения доступа к каналам возможной вертикальной мобильности и наложении ограничений при выборе сферы деятельности и характера труда. Однако исключения составляют иные обстоятельства, когда речь идет об обширном социальном капитале – наличии выгодных связей и знакомств или индивидуальных свойств личности (например, харизматичности, упорства и целеустремленности). В этом случае низкий уровень образования не является детерминирующим фактором экономического статуса индивида, уступая место иным факторам.

Перспективы развития страны и отдельных территорий заложены в имеющемся индивидуальном человеческом капитале, который накапливается за счет ресурсов семьи и личностных способностей, а также социальных условий, создаваемых обществом: возможности для образования, сохранения здоровья и культурного развития [12, с. 83–100].

По мнению О.И. Шкаратана, в основе социальной стратификации постиндустриального общества лежат именно человеческие и культурные ресурсы

(образование, знания, опыт и др.), а не экономические (средства производства), как это было в индустриальном обществе. В результате сохраняющаяся классовая иерархия, переплетающаяся с иерархией по владению человеческим и культурным капиталами, создает преимущества в социальном продвижении для одаренных и более образованных индивидов [4, с. 8–9].

Однако воплощение этого принципа в современной России представляется весьма затруднительным – преимущества в развитии человеческого капитала (своего и своих детей) обусловлены существующей поляризацией общества. Жители с низким уровнем жизни сталкиваются с препятствиями в доступе к социальным лифтам, по сравнению с высокодоходными группами, чей экономический капитал семьи (наряду с социальным капиталом) становится необходимым ресурсом для поступления в престижные вузы.

Можно сказать, что в современных условиях доминирования принципа наследования материальных богатств и социальных связей идеология мобильности сталкивается с проблемой существования классовых перегородок с весьма ограниченной проницаемостью. Особенно ярко это проявляется в отношении правящей элиты, когда продвижение осуществляется посредством политических назначений на основе имеющегося социального капитала и лояльности вышестоящим [13, с. 32–33].

Исследованию неравенства шансов в области социальной мобильности посвятил свои работы представитель французской социологической мысли Р. Будон. По его мнению, для уменьшения неравенства в образовании и повышения образовательной мобильности на уровне общества необходимо снизить социальный и экономический разброс населения. Несмотря на то, что неравенство шансов в значительной степени является результатом индивидуальных решений, в то же время высоко влияние институционального фактора – социальных ситуаций, в рамках которых эти решения возникают [2, с. 105].

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего XX в. исследования социальной мобильности активно велись в контексте ее связи с процессами социальной стратификации общества, влияния институциональной среды на возможности социального продвижения, активно изучались факторы, условия и каналы мобильности.

Иной подход к изучению мобильности был представлен в работах Дж. Урри. По его мнению, мобильность должна отождествляться с перемещением объектов в пространстве (товаров, денег и индивидов). Несмотря на то, что мобильность рассматривается как данность, в современных исследованиях упускается из виду ее социальная и индивидуальная обусловленность – те причины, мотивы и условия, которые делают возможным саму способность к перемещению, на второй план уходит стремление людей к установлению и поддержанию социальных связей друг с другом. Именно встречи «лицом

к лицу» выступают в качестве одной из важнейших причин мобильности, являясь ее неотъемлемой предпосылкой [14, с. 30–33].

Дж. Урри сформулировал несколько подходов к пониманию мобильности:

1. Мобильность как свойство вещей и людей, обозначающее движение или способность двигаться. При отсутствии возможности к движению у индивида развивается чувство социальной депривации или отчуждение.

2. Мобильность как беспорядочное, хаотичное движение толпы, не имеющее четких границ. Перемещения в пространстве лишены ясно осознаваемой цели, подвержены влиянию извне.

3. Мобильность как изменения социального статуса индивида в результате его движения по социальной лестнице вверх/вниз. Данный подход характеризует категорию вертикальной социальной мобильности и является наиболее близким к тем, что мы рассматривали ранее.

4. Мобильность как географическое перемещение, в основе которого лежит стремление к лучшей жизни. В этом случае мобильность отождествляется с миграцией населения.

Таким образом, в самом общем смысле мобильность рассматривается как движение, перемещение в пространстве и времени, обусловленное теми или иными целями.

Общество создает человека. Весь наш материальный и символический мир получен нами от общества. Институты, в которых мы обитаем – форма семьи, экономики, политики, пришли из накопленного опыта других. Наши собственные личности сконструированы из частей, которые приходят извне. Имя, идентичность формируются посредством связи с другими людьми, восприятия ими нас самих. Согласно Р. Коллинзу, в основе образования любой группы лежит сильная эмоция (переживание) группы относительно их схожести и совместной принадлежности. Этого объединяющего чувства коллективного переживания лишены мобильные индивиды [15, с. 429–437].

Можно сказать, с одной стороны, мобильность в современном мире с провозглашенными ценностями индивидуального продвижения (в противовес ценности коллективизма и ориентации на улучшение статусных позиций больших социальных групп) выступает в качестве препятствия к всеобщему гражданскому единению. У людей, которые чаще переезжают (мигрируют в поисках лучших условий жизни), общинные связи слабее, они менее интегрированы в сообщества. С другой стороны, мобильность дает возможность заводить и поддерживать социальные отношения с людьми на расстоянии, развивая способность образовывать и поддерживать сеть. Сетевой капитал указывает на реальные и потенциальные социальные отношения, существование которых делает возможным мобильности [14, с. 357–364].

Процесс накопления социального капитала и преобразование его в сетевой возможен посредством укрепления доверительных отношений за счет раз-

вития межличностных связей не только между отдельными индивидами, но и целыми организациями [16, с. 11].

Согласно теоретическим взглядам П. Бурдьё, мобильности развиваются в особую разновидность поля – поле мобильности со своими видами борьбы, вкуса и габитуса. Оно выделилось из экономических, политических и культурных процессов как место пересекающейся состязательности, когда каждый индивид движим стремлением к удовлетворению собственных потребностей и интересов. Успешность перемещения из одной социальной позиции в другую во многом определяется не только габитусом, но и имеющимся капиталом [17, с. 87–96].

Обладание социальным капиталом создает благоприятные условия для социального продвижения, в то же время культурный капитал (образование, языковая и культурная компетенция) становится фактором воспроизводства классовых привилегий. Несмотря на широкораспространенные требования равенства возможностей, происходит усиление классового и культурного неравенства, когда экономический капитал конвертируется в образовательный: экономически привилегированные и хорошо образованные дети получают преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными [18, с. 93–98]. Идет процесс воспроизводства элиты при ограничении возможности рекрутирования из других социальных слоев.

По мнению О.И. Шкаратана, пополнение правящего класса из лучших представителей всех слоев общества никогда не было реализовано ввиду стремления господствующих сохранить максимальный контроль над социальными благами, выдвигая барьеры законов и обычаев для сокращения возможностей продвижения выходцам из низов [19, с. 17].

В настоящее время исследования в области социальной мобильности в значительной степени сфокусированы на изучении динамики социальных структур трансформирующихся обществ, конструировании теоретических моделей, адекватно описывающих социальную реальность.

Л. Болтански и Л. Тевено [20] сосредотачивают внимание на изучении социальной структуры общества, представленной на основе сосуществования различных моделей градов. Каждый град представляет собой социальное устройство на основе определенной системы ценностей. Все члены того или иного града объединены по принципу общности человеческой природы (исключается возможность постоянного закрепления состояний за определенными людьми – социальные лифты открыты для всех) и упорядочены согласно принципу величия, позволяющему индивидам занимать различное положение в иерархии статусов при равенстве возможностей доступа к высшим благам (состояниям).

Величие в каждом граде понимается по-своему, например, в рыночном граде оно определяется как богатство, экономический капитал. В этом случае

различие состояний людей по степени обладания богатством порождает конкуренцию действий и желаний за обладание редкими благами. Достижение высокого социального статуса (высшего состояния), обеспечивающего благополучие, зависит от инвестирования («платы» или «жертвы»). Люди, занимающие более низкие социальные позиции и стремящиеся обладать благами, доступными для высшего состояния, вместо того, чтобы жертвовать чем-то (например, временем и средствами, затраченными на обучение, повышение квалификации) ради продвижения вверх по социальной лестнице, склонны к оспариванию принципа «платы» за продвижение, оставаясь на том же уровне [20, с. 127–134].

Социальная мобильность как стремление индивидов занять более высокие позиции в социальной иерархии становится возможной за счет реализации имеющегося капитала, позволяющего продвинуться по ступеням величия. При этом каждый град задает свои условия и ограничения мобильности.

Социология градов представляет собой современную интерпретативную теорию, гармонично сочетающую в себе взгляды М. Вебера (опора на теорию легитимности государства) и П. Бурдьё (развитие теории капитала).

Таким образом, рассматривая социологические трактовки идеи социальной мобильности от ее истоков до современности, отметим, что в качестве первоосновы понимания мобильности как процесса становится осознание самой возможности перемещения индивидов в социальном пространстве. Мобильность как индивидуальная практика включается в более широкий социальный контекст, связывается с типом общества, детерминируется влиянием внешней среды – действием социальных институтов и происходящими в обществе экономическими процессами. Важным становится изучение видов мобильности, ее каналов и факторов: социально-демографических особенностей индивидов, уровня образования, социального происхождения, характера и престижа деятельности.

Развитие сферы информационных технологий приводит к увеличению числа вакансий, требующих высокой квалификации, актуализируются потоки восходящей мобильности, распространяются ценности индивидуального продвижения. Большое внимание уделяется изучению профессиональной карьеры и проблеме профессиональной мобильности (изменению статуса индивида в социально-профессиональной структуре общества). Актуальными становятся исследования видов и причин мобильности, ее социальной обусловленности.

Можно сказать, проблема социальной мобильности в современных условиях становится достаточно актуальной и выступает как исследовательское поле для микро- и макросоциологических теорий.

Список литературы

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Прогресс, 1992. – 543 с.
2. Носкова А.В., Кузьмина Е.И. Социальная мобильность в трудах ведущих социологов Франции XX в. // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 99–108.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
4. Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 5–24.
5. Батуренко С.А. Теории социальной мобильности в истории социологической мысли // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. – 2014. – № 2. – С. 199–211.
6. Каравай А.В. Факторы доходной стратификации российского общества: роль структурных барьеров на пути восходящей доходной мобильности. Ч. 2 // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – № 2. – С. 34–51.
7. Черныш М.Ф. Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 13–15.
8. Дудина О.М., Ратникова М.А. Профессиональная мобильность: кто и как принимает решение сменить профессию // Социологические исследования. – 1998. – № 11. – С. 48–54.
9. Ковалева А.И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 298–299.
10. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 5–28.
11. Черныш М.Ф. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 42–53.
12. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. – 2018. – № 26. – С. 83–100.
13. Гвоздева Е.С. Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность. – 2007. – № 1. – С. 31–48.
14. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
15. Коллинз Р. Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию / пер. с англ. В.Ф. Анурина // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проспект, 2004. – 608 с.
16. Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 3–14.

17. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
18. Бурдые П., Пассерон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Просвещение, 2007. – 267 с.
19. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 526 с.
20. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковеневой. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.

References

1. Sorokin P.A. Chelovek. Tsvivilizatsiia. Obshchestvo [A man. Civilization. Society]. Moscow, Progress, 1992, 543 p.
2. Noskova A.V., Kuz'mina E.I. Sotsial'naia mobil'nost' v trudakh vedushchikh sotsiologov Frantsii XX v. [Social mobility in theories and research practices of leading French sociologists]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, no. 4, pp. 99–108.
3. Parsons T. The system of modern societies (Russ. ed.: Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv. Moscow, Aspekt Press, 1998, 269 p.).
4. Shkaratan O.I. Ozhidaniia i real'nost'. Sotsial'naia mobil'nost' v kontekste problemy ravenstva shansov [Expectations and reality. Social mobility in the context of problems of equal opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 1, pp. 5–24.
5. Baturenko S.A. Teorii sotsial'noi mobil'nosti v istorii sotsiologicheskoi mysli [Theories of social mobility in the history of sociological thought]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Seriya 18, 2014, no. 2, pp. 199–211.
6. Karavai A.V. Faktory dokhodnoi stratifikatsii rossiiskogo obshchestva: rol' strukturnykh bar'erov na puti voskhodiashchei dokhodnoi mobil'nosti. Chast' 2 [Factors of income stratification of Russian society: The role of Structural Barriers for Upward Income Mobility. Part 2]. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, 2018, no. 2, pp. 34–51.
7. Chernysh M.F. Kontsept sotsial'noi mobil'nosti v meniaiushchikhsia obshchestvakh [The concept of social mobility in changing societies]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 7, pp. 13–15.
8. Dudina O.M., Ratnikova M. A. Professional'naia mobil'nost': kto i kak prinimaet reshenie smenit' professiiu [Professional mobility: Who and how makes a decision to change the profession]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, no. 11, pp. 48–54.
9. Kovaleva A.I. Professional'naia mobil'nost' [Professional mobility]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, no. 1, pp. 298–299.

10. Shkaratan O.I., Iastrebov G. A. Sravnitel'nyi analiz protsessov sotsial'noi mobil'nosti v SSSR i sovremennoi Rossii [The comparative analysis of processes of social mobility in the USSR and modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 2, pp. 5–28.

11. Chernysh M.F. Transmissiia kul'turnogo kapitala i sotsial'naia mobil'nost' [Transmission of cultural capital and social mobility]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 8, pp. 42–53.

12. Beliaeva L.A. Dokhodnoe neravenstvo v rossiiskom obshchestve: sotsial'nye posledstviia i problemy [Income inequality in Russian society: Social consequences and issues]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2018, no. 26, pp. 83–100.

13. Gvozdeva E.C. Vysshii sloi rossiiskogo chinovnichestva: avtoportret [Top layer of the Russian officials: Self-portrait]. *Sotsial'naia real'nost'*, 2007, no. 1, pp. 31–48.

14. Urry J. Mobilities (Russ. ed.: Urri Dzh. Mobil'nosti. Moscow, Praksis, 2012, 576 p.).

15. Collins R. Sociological insight: An introduction to non-obvious sociology (Russ. ed.: Kollinz R. Sotsiologicheskaia intuitsiia: vvedenie v neochevidnuiu sotsiologiiu. Lichnostno-orientirovannaia sotsiologiia. Moscow, Akademicheskii prospekt, 2004, 608 p.).

16. Urry J. Mobility and solidarity (Russ. ed.: Urri Dzh. Mobil'nost' i blizost'. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 2, pp. 3–14).

17. Bourdieu P. Sociologie de l'espace social (Russ. ed.: Burd'e P. Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, St. Petersburg, Aleteiia, 2007, 288 p.).

18. Bourdieu P., Passeron J.-C. La reproduction: Éléments de la théorie du système d'enseignement (Russ. ed.: Burd'e P., Passeron Zh.-K. Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniia. Moscow, Prosveshchenie, 2007, 267 p.).

19. Shkaratan O.I. Sotsiologiia neravenstva. Teoriia i real'nost' [Sociology of inequality: Theory and reality]. Moscow, Higher School of Economics, 2012, 526 p.

20. Boltanski L., Thevenot L. De la justification (Russ. ed.: Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 576 p.).

Оригинальность 85 %

Получено 14.11.2019 Принято 11.12.2019 Опубликовано 29.06.2020

A.V. Rybyakova

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE IDEA OF SOCIAL MOBILITY

One of the founders of social mobility theory is P. Sorokin, who sees mobility as a process of moving individuals and groups in social space and time. A. Dumont developed a similar idea called the theory of 'social capillarity'.

Mobility is seen, on the one hand, as an individual practice (changes in status positions of individuals in the existing social hierarchy), reflecting the scope of micro-sociological research. The question is raised about the types of mobility, its channels and factors: socio-demographic characteristics of individuals, level of education, social origin, nature and prestige of activity. On the other hand, mobility acts as a macro process, determined by the influence of the external environment – the action of social institutions and the economic processes in society. Social mobility is a factor of social welfare.

Throughout the 20th century, research on social mobility was actively carried out in the context of its connection with the processes of social stratification, the impact of the institutional environment on opportunities for social advancement, with special emphasis put on factors, conditions and channels of mobility.

The development of information technology has triggered upward mobility flows, generating the spread of the values of individual advancement. Studies of professional career, intergenerational and professional mobility are becoming relevant.

In modern conditions, existing barriers and openness of social elevators to the young generation are analyzed. The problem of class partitions with very limited permeability is investigated, as class and cultural inequalities are increasing. Social mobility is possible through the realization of the capital (economic, social, cultural) with the continued principle of inheritance of material wealth and social ties.

Keywords: social mobility, professional career and professional mobility, ideology of mobility, social elevators, economic, social and cultural capital, inequality of chance, upward mobility.

Anastasiya V. Rybyakova – Lecturer-Researcher, Assistant Lecturer, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Perm State Pharmaceutical Academy, e-mail: a.nastasi.a@mail.ru.

Received 14.11.2019

Accepted 11.12.2019

Published 29.06.2020